

В стремлении к величию

Короткая эпоха Петра III открывалась блестяще. В январе 1762 года английский посол Роберт Кейт замечал: «Всевозможные дела исполняются гораздо скорее, чем раньше. Император сам занимается всем, и по большинству дел он сам дает нужные приказания, однако всегда спрося мнение начальников ведомств, откуда они выходят, или сообразно с просьбами простых частных людей». Крайне нерасположенный к Петру III австрийский дипломат граф Флоремунд Клавдий Мерси-Аржанто признавал, что первые распоряжения нового императора «выполнены так умно и осмотрительно, что действительно могут снискать ему любовь и преданность всего русского народа». Академик Штелин писал: «Так как все видели, как был неутомим этот молодой монарх в самых важнейших делах, как быстро и заботливо он действовал с утра и почти целый день в первые месяцы своего правления... то возлагали великую надежду на его царствование и все вообще любили его». Успехи начального этапа правления Петра III не случайны: рядом с ним находились талантливые советники, а сам он имел немалые задатки государственного деятеля.

Новый император вступил на престол в том возрасте, с которым обычно связывают расцвет творческих сил мужчины, – ему было тридцать три года; до очередного дня его рождения оставалось полтора месяца. Он был неплохо, хотя и поверхностно, образован, успел получить некоторый навык в управленческих делах, имел четкие взгляды на многие вопросы государственной жизни, особенно в области внешней политики. Хорошо знавший его современник отметил ряд качеств нового монарха, важных для самодержавного правления: «Государь этот от природы был характера живого, деятелен, пылок, неутомим, вспыльчив, заносчив, неукротим». Без личного участия Петра III не обходилось ни одно государственное дело: он трудился со всей горячностью и самоотдачей творческой натуры и упоенно предавался разгулу своей вырвавшейся на свободу энергии. М.И. Семевский на основании многих источников достоверно воссоздал «рабочие часы» императора: «Куранты Петропавловского Собора пробили семь часов утра. Государь встает и с обычною ему живостью во всем, что бы он ни делал, одевается... При одевании он балагурил с своими генерал– и флигель-адъютантами, отдавал им приказания, выпивал чашку кофе и выкуривал трубку кнастера. Тут ему передавали последние новости, причем рассказы окружавших его лиц, нередко простой прислуги, наводили государя на мысль о какой-нибудь весьма важной реформе, которую он, по обыкновению, ему свойственному, и спешил привести в исполнение.

В 8 часов государь был уже в кабинете; к нему один за другим являлись... президенты разных коллегий и прочие чины, имевшие доклад у государя; докладов этих, по крайней мере в первое время, было довольно много, так как государь хотел все знать, входил во все дела... В 11 часов доклады кончались, и государь, со всеми окружающими его, спешил на Дворцовую площадь, где каждый день ждал его развод от какого-либо гвардейского полка...

Кончался развод, и государь отправлялся в Сенат, заезжал в Синод, где со времени Петра Великого, кажется, ни одного разу не был ни один из властителей, ни одна из властительниц России, посещал коллегии, появлялся в Адмиралтействе, неоднократно бывал в Монетном дворе, осматривал различные фабрики, распоряжался лично, несколько уже лет продолжавшейся постройкою Зимнего дворца – словом, Петр являл деятельность, в особенности в первые три месяца своего царствования, необыкновенную: старики, глядя на молодого государя, невольно вспоминали его неутомимого деда».

Помимо Петра I, новый император имел другой пример для подражания – Фридриха II, чей образ укреплял в нем намерение держать все бразды правления в собственных руках. Двадцатого января 1762 года Петр III упразднил Конференцию при высочайшем дворе и «предоставил себе право мгновенно, основываясь единственно на одностороннем докладе, постановлять решения». Подобный метод управления обеспечивал быстрое течение дел и мог стать весьма плодотворным, если бы самодержца не подводило отсутствие опыта, проницательности и умения предвидеть последствия своих решений. В такой ситуации многое зависело от приближенных императора, советами которых он мог пользоваться.

В первый день своего правления 25 декабря 1761 года Петр III уволил в отставку неугодного ему генерал-прокурора Сената Я.П. Шаховского и назначил на его место Александра Ивановича Глебова – близкого друга и протеже Петра Шувалова. Австрийский дипломат сообщал в Вену: «Глебов... служит, кажется, верной опорой новому государю в начале его правления. Я достоверно знаю, что великий князь во время вторичного, опасного поворота болезни императрицы ночью отправился к Глебову и просидел с ним запершись до 4-х часов утра. Его-то влиянию можно, кажется, приписать, главным образом, совершенно неожиданное кроткое, мягкое обращение императора в начале его царствования. Действительно, его величество встречает всех и каждого как нельзя более ласково, старается (начиная с камергеров) отнять у всех страх и озабоченность и дает обо всех только благоприятные отзывы... Так как подобное отношение государя, только что вступившего на престол, к своим подданным само по себе умно и полезно, то неудивительно, что оно доставляет его советнику и внушителю много славы; вот почему Глебов прослыл очень опытным и ловким человеком».

Несомненно, на Глебова пал отблеск славы его старшего друга, который в наибольшей степени руководил первыми шагами императора. Петр Иванович Шувалов в то время находился «в крайних болезнях» и уже стоял одной ногой в могиле, но не мог справиться с жадной государственной деятельностью. По его просьбе он был перенесен «на одре» из своего особняка в дом Глебова, находившийся ближе к императорскому дворцу. По свидетельству Шаховского, Петр III удостоивал умирающего сановника «величайшей милости и доверенности», непрестанно советовался с ним о государственных делах через Глебова и «персонально часто его в постеле лежащего посещал, и то день ото дня более слабостей ему причиняло». Действительно, напряженная умственная работа ускорила смерть П.И. Шувалова, последовавшую 4 января 1762 года. Недели раньше он и его старший брат Александр Шувалов были пожалованы в генерал-фельдмаршалы.

Одновременно с ними выражения «монаршей милости» удостоился Н.Ю. Трубецкой, произведенный в подполковники Преображенского полка (раньше им был сам Петр Федорович, ставший теперь полковником).

Ивану Ивановичу Шувалову Петр III вверил управление тремя военно-учебными корпусами: Сухопутным, Морским и Артиллерийским. Оставаясь при этом куратором Московского университета, он, по образному выражению С.М. Соловьева, являлся «как бы министром новорожденного русского просвещения». Император относился к фавориту покойной тетушки милостиво. Штелин рассказывает, как однажды за обедом при императорском дворе речь зашла о Елизавете Петровне, и у Шувалова потекли слезы. Тогда Петр III сказал ему с грубоватым добродушием: «Выбрось из головы, Иван Иванович, чем была для тебя императрица, и будь уверен, что ты, ради ее памяти, найдешь и во мне друга!»

Братья Разумовские также пользовались расположением императора. Старший из них 6 марта 1762 года был уволен в отставку с тем, чтобы, «как у двора, так и где б он жить ни пожелал», ему отдавалось «по чину его должное почтение». Петр III любил общество добродушного и простого в обращении Алексея Григорьевича и часто бывал у него в гостях. Кирилл Разумовский почти постоянно находился при дворе, и Р. Кейт отмечал даже, что среди приближенных императора «наибольшим его расположением пользовался, как кажется, гетман».

Весьма значительной фигурой нового царствования стал друг И.И. Шувалова А.П. Мельгунов. Петр III произвел его в генерал-поручики, что само по себе являлось не такой уж большой честью по масштабам многочисленных и грандиозных пожалований в первые месяцы нового правления. Однако истинное значение этого человека определялось не чином, а степенью близости к императорской особе. Мельгунов приобрел преобладающее влияние в военной сфере, затмив тогдашних фельдмаршалов. Кроме того, он активно вмешивался в область внешней политики. Мельгунов умело пользовался близостью к царской особе: современник замечал, что «он ни на минуту не выпускает из виду императора и... ловит минуты, благоприятные для того, чтобы получить утверждение своих представлений».

В дипломатической сфере Мельгунов значительно потеснил еще одного друга Ивана Шувалова – канцлера М.И. Воронцова. Он являлся одним из создателей антипрусского союза России, Австрии и Франции в ходе Семилетней войны, что компрометировало его в глазах нового императора. С другой стороны, Петр III уважал Воронцова за то, что тот был единственным российским кавалером прусского ордена Черного Орла. Он получил его в 1746 году во время заграничной поездки из рук Фридриха II, поскольку был тогда активным деятелем франко-прусской «партии». Не последнее место при дворе Петра III занял старший брат канцлера и отец императорской фаворитки Р.И. Воронцов, которого иностранные дипломаты даже ставят в первые дни царствования на один уровень с Глебовым. Причина его возвышения понятна, хотя, по словам Екатерины II, он был одинаково нелюбим Петром

Федоровичем и всеми своими детьми. Младшая его дочь Екатерина Дашкова утверждает даже, что ее отец из-за полного невнимания к нему со стороны Елизаветы Романовны «не играл никакой роли при дворе» и «представлял из себя ноль без всякого влияния». Екатерина Романовна преувеличивает: определенный вес Воронцов-старший имел, однако нельзя не признать, что при иных отношениях со своими дочерьми он мог достичь больших успехов. Петр III назначил его 28 декабря 1761 года членом Конференции при высочайшем дворе, но меньше чем через месяц ликвидировал это учреждение, после чего Воронцов остался в должности сенатора и председателя Уложенной комиссии.

Сразу же по вступлении на престол Петр III вызвал в Петербург своих родственников – принцев Георга Людвиг Голштейн-Готторпского и Петра Августа Фридриха Голштейн-Бека. Первый являлся генералом прусской службы, а второй в чине российского генерала занимал пост ревельского губернатора. Голштейн-Бек прибыл ко двору раньше и 9 января 1762 года был произведен Петром III в генерал-фельдмаршалы и назначен петербургским генерал-губернатором. Для своего дяди Георга Людвиг император готовил более высокое определение, намереваясь сделать его герцогом Курляндии. Но пока он 9 февраля получил чин генерал-фельдмаршала и стал полковником Конногвардейского полка. Тем самым Петр III в первый раз вызвал недовольство гвардии, назначив бывшего прусского генерала на должность, которую со дня вступления на престол занимала Елизавета Петровна. Император обращался со своими голштейнскими родственниками как с равными, что иногда порождало нелепые ситуации. По словам Дашковой, однажды «государь и его дядя, принц Георгий, как настоящие прусские офицеры, из-за различия мнений в разговоре обнажили шпаги и уж собрались было драться», но их сумел разнять, «рыдая как женщина», любимый обоими Николай Андреевич Корф. Этот человек двадцать лет назад по поручению Елизаветы Петровны привез ее племянника из Киля в Петербург. Двадцать восьмого декабря 1761 года Петр III произвел Корфа в генералы, 20 февраля 1762 года назначил вместо себя полковником Лейб-Кирасирского полка, а 21 марта сделал его «главным директором над всеми полициями», подчеркнув в указе, что его «персона состоит единственно под ведением его величества».

Наиболее выдающейся фигурой царствования Петра III стал Дмитрий Васильевич Волков, занимавший в последние шесть лет елизаветинского правления должность конференц-секретаря, то есть руководителя канцелярии Конференции при высочайшем дворе. Он составлял тексты всех документов этого учреждения как при Елизавете Петровне, так и при Петре III. После ликвидации Конференции император 30 января 1762 года назначил Волкова своим тайным секретарем, то есть руководителем личной императорской канцелярии. Тем самым она была выделена из Кабинета его императорского величества, который под руководством А.В. Олсуфьева занимался теперь лишь финансово-хозяйственными делами царской семьи. Волковым составлены тексты большинства указов и других документов за личной подписью императора. Влияние этого деятеля было очень велико: современники утверждали, что «Волков водил пером Петра III и был его ближайшим советником», «император ничего не предпринимал без совета и решения Волкова, и можно сказать, что этому человеку принадлежит значительная доля в славных и благодетельных деяниях монарха».

Основным соперником тайного секретаря был А.И. Глебов. Его официальные обязанности генерал-прокурора заключались главным образом в контроле над деятельностью Сената, но он сумел полностью подчинить себе это высшее правительственное учреждение благодаря безграничному доверию к нему монарха. Все царские резолюции на полях сенатских докладов написаны рукой Глебова и лишь утверждены подписью Петра III. Глебов лично приносил эти документы на утренние приемы императора и обсуждал с ним поставленные в них вопросы. Он же объявлял на заседаниях Сената волю монарха и составлял указы, которые потом подписывали сенаторы. Иногда Петр III поручал Глебову и подготовку актов за императорской подписью.

С именами Волкова и Глебова связано основное законодательство Петра III, однако далеко не во всех случаях их можно считать инициаторами написанных ими указов и манифестов. Личная роль императора в принятии важнейших государственных постановлений особенно заметна в первые месяцы его царствования. Седьмого февраля 1762 года на заседании Сената Петр III распорядился: «Канцелярию тайных розыскных дел уничтожить, и отныне оной не быть». Это ведомство политического сыска, именуемое современниками «гражданской инквизицией», вызывало ужас и ненависть всех слоев населения. Практика доноительства по «важным государственным делам», чрезвычайно распространившаяся со времен Анны Ивановны, открывала широкие возможности для сведения личных счетов и внесудебного произвола. Произнесение кем-либо страшного выражения «слово и дело» влекло за собой аресты и пытки, под которыми трудно было не признаться в любых «злумышлениях». Необходимость ликвидации Тайной канцелярии отмечалась Петром Федоровичем еще в молодые годы под несомненным влиянием гуманиста Штелина, говорившего, что «чрез это введенное Петром I учреждение происходило много злых доносов на невинных людей и разные несчастья». Император имел также личные счёты с Тайной канцелярией, которая в 1745 году арестовала и сослала в Оренбург его любимого камердинера Г. Румберга. Вернувшись в Петербург по императорскому указу от 26 декабря 1761 года, он рассказывал Петру III «чудеса об уничтоженной им Тайной канцелярии».

Манифест об уничтожении Тайной канцелярии был написан Д.Б. Волковым и 16 февраля 1762 года утвержден подписью императора. В этом акте осуждалась практика работы политического сыска, которая «злым, подлым и бездельным людям подавала способ или ложными затеями протягивать вдаль заслуженные ими казни и наказания, или же злостнейшими клеветами обносить своих начальников и неприятелей». Далее объявлялось, что «Тайная розыскных дел канцелярия уничтожается отныне навсегда», а «ненавистное выражение, а именно «слово и дело», не долженствует отныне значить ничего». Но если «кто имеет действительно и по самой правде донести о умысле по первому или второму пункту» (покушение на жизнь и честь государя или бунт и измена против Отечества), тот должен немедленно подавать донос в ближайшее судебное учреждение или воинскому начальнику. Доносителей надлежало «увещевать, не напрасно ли на кого затеял», упорствующих сажать на два дня под караул без еды и питья, а потом снова «спрашивать с увещанием, истинен ли донос». Выдержавшие эти испытания должны были направляться «под крепким караулом» в Сенат, Сенатскую контору или ближайшую губернскую

канцелярию, где надлежало проводить следствие. Окончательные решения всем делам выносил Сенат. Ему же поручалась разработка мер, «к тому служащих, чтоб несправедливые доносы пресечь, невинных не допустить ни до малейшего претерпения, а преступников открывать и избличать кратким и надежным образом без кровопролития».

В манифесте объявлялось намерение Петра III лично рассматривать дела по политическим преступлениям в своей «резиденции». Император обещал «показать в том пример, как можно и надлежит кротостью исследования, а не кровопролитием прямую истину разделять от клеветы и коварства и смотреть, не найдутся ли способы самим милосердием злонравных привести в раскаяние и показать им путь к своему исправлению».

Сведений о выполнении Петром III своих благих намерений не имеется. Напротив, есть свидетельства о том, что он без всякого разбирательства подвергал наказаниям людей за «сообщения по важному делу», заявляя, что «ненавидит доносчиков». Но отдельные случаи крайних мер со стороны импульсивного монарха не уменьшают значения реформы политического сыска и в особенности провозглашения гуманных следственных методов.

В первый месяц своего царствования Петр III освободил из ссылки «государственных преступников» елизаветинского времени: Б.Х. Миниха, И.Г. Лестока, Н.Ф. Лопухину и других. В марте 1762 года в Петербург был возвращен Э.И. Бирон. Амнистия не распространилась на А.П. Бестужева-Рюмина, которого император подозревал в «соумышлении» с Екатериной и ссылался при этом на предостережения Елизаветы Петровны.

Семнадцатого января 1762 года на заседании Сената Петр III объявил решение: «Дворянам службу продолжать по своей воле, сколько и где пожелают». На другой день Сенат по инициативе Глебова подал императору доклад: «...В знак от дворянства благодарности за оказанную к ним высокую милость... сделать его императорского величества золотую статую». Петр III отказался от этого предложения со словами: «Сенат может дать золоту лучшее назначение, а я своим Царствованием надеюсь воздвигнуть более долговечный памятник в сердцах моих подданных». Манифест о вольности Дворянства был опубликован лишь 18 февраля, следовательно, обсуждение этого документа длилось в течение месяца. Мерси-Аржанто в депеше, написанной не позднее 4 февраля, сообщает, что «государю были представлены два различные проекта... оба они отвергнуты государем, даже по той причине, что даруемая по ним свобода слишком велика». Действительно, в утвержденном тексте манифеста «вольность» дворянства была ограничена определенными рамками.

В преамбуле законодательного акта отмечалось, что рост культуры и сознательности представителей дворянского сословия избавляет монарха от «необходимости в принуждении к службе, которая до сего времени потребна была». Поэтому дворянам даровалось право свободно вступать или не вступать на военную и гражданскую службу,

выходить в отставку, выезжать за границу и поступать на службу иностранных государей. Вместе с тем манифест содержал несколько условий. Военные не имели права подавать в отставку во время «кампании» и за три месяца до ее начала. Заграничная служба российских дворян разрешалась только в «европейских союзных Нам державах», причем находящиеся за рубежом могли быть отозваны в Россию, если «нужда востребует». Манифест устанавливал обязанность дворян заботиться об обучении сыновей «пристойным благородному дворянству наукам». Выбирать способ образования по своему усмотрению могли только состоятельные семьи. «Всем тем дворянам, за коими не более 1000 душ крестьян», предписано было определять своих детей в Шляхетский кадетский корпус. В заключительной части законодательного акта выражалась уверенность, что предоставление «вольности» побудит дворян «не удаляться... от службы, но с ревностью и желанием в оную вступать и честным и неззорным образом оную по крайней возможности продолжать». Всех тех, «кои никакой и нигде службы не имели», полагалось подвергать презрению; им запрещалось появляться при дворе и участвовать «в публичных собраниях и торжествах». Тем самым вместо прежнего принуждения к службе декларировались такие цивилизованные стимулы, как личная сознательность и сила общественного мнения.

Одновременно с провозглашением вольности дворянства Петр III дал распоряжение Сенату «в продаже соли цену уменьшить и положить умеренную». Р. Кейт отметил, что «это причинит значительное уменьшение его доходов, но его величество не мог ничего лучше сделать, более важного для улучшения быта и утешения бедных людей». В деятельности императора прослеживается также забота о растущей буржуазии. Штелин оставил о Петре III следующее весьма важное замечание: «Рассматривает все сословия в Государстве и имеет намерение поручить составить проект, как поднять мещанское сословие в городах России, чтоб оно было поставлено на Немецкую ногу, и как поощрить их промышленность». Вслед за тем император по предложению академика собирался послать купеческих сыновей в Англию, Германию и Голландию, «чтоб изучить Бухгалтерию и Коммерцию». Петр III решительно пресек стремление Романа Воронцова внести в проект нового свода законов пункты, закрепляющие дворянскую монополию на промышленность. Взгляды императора в этом отношении полностью совпадали с позицией Д.В. Волкова, который в 1760 году в письме председателю Комиссии о коммерции И.Г. Чернышеву очень тонко, но вполне определенно выразил мысль, о необходимости ограничения дворянского предпринимательства: «Я истинно от всего сердца дворянство почитаю и хочу ему всякого добра, но я добром дворянским не почитаю, когда б мы сделались купцами, а купцы наши должности исправляли». На основании положений из письма Чернышеву Волков составил проект решения Конференции, предусматривающий меры по активизации внешней торговли и развитию промышленности. Особое внимание в нем уделялось мерам по расширению экспорта хлеба, расширению производства продукции на отечественном сырье и ликвидации торговых и промышленных монополий. В то время проект Волкова не получил движения, возможно из-за противодействия П.И. Шувалова. Но теперь тайный секретарь смог реализовать свои идеи, которые полностью разделялись Петром III. Так был принят императорский указ от 28 марта 1762 года о свободе внешней торговли, поощрении производства на отечественном сырье и отмене части торговых и промышленных привилегий и монополий.

Другой формой поощрения растущего капиталистического уклада явились меры по расширению применения вольнонаемного труда. 29 марта Сенат на основании именного указа Петра III запретил владельцам фабрик и заводов покупать к ним деревни для использования крепостного труда в промышленности. Это решение было временным «до принятия Уложения», то есть до нового свода законов, но тем не менее являлось весьма показательным. Может быть, император намеревался включить данное требование в Уложение и сделать его таким образом постоянным. Характерной особенностью законодательства Петра III является внимание к крестьянству и другим непривилегированным слоям населения: их положению посвящено восемнадцать процентов от общего количества указов этого времени, а фактически даже больше, поскольку некоторые детали жизни простого народа затрагивались также в манифестах и других актах общего содержания.

Несомненное влияние личных взглядов Петра III прослеживается в требовании государственной бережливости, необходимость которой была осознана наследником престола еще в молодости, когда он наблюдал чисто женское мотовство тетушки с ее тысячами платьев и бесконечными украшениями. Теперь император объявил насущной задачей внутренней политики страны борьбу с роскошью и уменьшение государственных расходов. Последнее требование соблюдалось во всем, вплоть до мелочей. Например, Коллегия иностранных дел получила указание выслать подарки грузинскому владетелю, но подобрать их «так, чтоб при этом крайняя экономия и бережливость наблюдена была и ни одного рубля напрасно потеряно не было». Решение императора по сокращению расходов являлось весьма своевременным, поскольку казна была опустошена Семилетней войной почти до основания.

Ряд мероприятий Петра III был направлен на упорядочение системы государственной власти и управления. Двадцать второго января 1762 года император установил, что словесные указы от его имени могут объявлять только сенаторы, генерал-прокурор и президенты «трех первых коллегий» – Иностранных дел, Военной и Адмиралтейской. Эти устные повеления не должны были касаться «лишения живота, чести и имени», выдачи денежных сумм свыше десяти тысяч рублей, награждения деревнями и чинами выше подполковника. Кроме того, словесные указы не могли отменять акты, собственноручно подписанные императором. Тексты устно объявленных высочайших повелений Сенат должен был еженедельно представлять Петру III «с надлежащею отметкою об исполнении оных». Двадцать девятого января Глебов объявил Сенату указ Петра III о создании Апелляционного департамента при Сенате и аналогичных департаментов при Юстиц-коллегии, Вотчинной коллегии и Судебном приказе для ускоренного рассмотрения жалоб по судебным делам. Шестнадцатого февраля была образована Комиссия «для обсуждения мер к приведению флотов в лучшее состояние», а шестого марта – аналогичная Военная комиссия.

Девятого января Петр III утвердил доклад Сената об упразднении в городах полицмейстерских должностей с поручением заведывания городскими полициями губернским, провинциальным и воеводским канцеляриям, а также о подчинении Главной

полицмейстерской канцелярии Сенату. Но 22 марта был принят императорский указ о восстановлении полицмейстеров в провинциях и городах в ведении губернаторов и воевод, которые по полицейским делам были подведомственны Главной полиции. Как уже отмечалось, назначенный за день до этого «главным директором над всеми полициями» Н.А. Корф должен был подчиняться непосредственно императору. Таким образом, дела по управлению полицией изымались из ведения Сената, что, возможно, являлось частью запланированных мер по ограничению компетенции этого органа.

Вероятно, Петр III предполагал впоследствии заняться и другими учреждениями. Однажды он сказал Штелину: «Я очень хорошо знаю, что и в вашу Академию наук закралось много злоупотреблений и беспорядков. Ты видишь, что я занят теперь более важными делами, но, как только с ними управлюсь, уничтожу все беспорядки и поставлю ее на лучшую ногу».

Упоминания о «вкравшихся злоупотреблениях» и необходимости их пресечения часто встречаются в указах Петра III, который, по-видимому, всерьез собирался наводить порядок в стране. Но для успеха этой миссии нужно было лучше знать Россию и более систематично и целенаправленно заниматься государственными делами. Тем не менее некоторые шаги в этом направлении были императором сделаны. Например, 21 марта он учредил при дворе Особую комиссию «для производства исследования по жалобам из Новой Сербии» на генерал-поручика И. Хорвата. В состав комиссии вошли доверенные лица Петра III: генерал-поручик А.П. Мельгунов, генерал-фельдцейхмейстер А.Н. Вильбуа и генерал-адъютант императора А.Г. Чернышев.

Примечательны решения Петра III в области религиозной политики и связанные с ними меры по секуляризации церковных и монастырских имений. Двадцать девятого января 1762 года А.И. Глебов объявил Сенату повеление Петра III о запрещении притеснять раскольников: «чтобы им в отправлении своих обрядов по их обыкновению и старопечатным книгам ни от кого возбранения не было». В императорской резолюции подчеркивалось, что «внутри Всероссийской империи и иноверные, яко магометане и идолопоклонники, состоят, а те раскольники – христиане, точию в едином застарелом суеверии и упрямстве состоят, что отвращать должно не принуждением и огорчением их, от которого они, бегая за границу, в том же состоянии множественным числом проживают бесполезно». Вслед за тем Сенат издал указ «разведать, нет ли где раскольнических для сожжения своего сборищ», и в случае их обнаружения «немедленно посылать туда достойных людей» для удержания самосожженцев «от такого пагубного намерения». При этом раскольникам следовало объяснять, что они не будут больше подвергаться притеснениям и преследованиям. Манифестом от 28 февраля старообрядцам и другим представителям социальных низов, бежавшим за границу, разрешалось возвращаться в Россию до 1 января 1763 года «без всякой боязни или страха».

Не менее решительно Петр III и его советники разобрались с затянувшимся вопросом об имениях духовенства и предоставлении доходов с них государству. Постановление

Елизаветы Петровны от 30 сентября 1757 года о передаче монастырских деревень под управление отставных офицеров встретило резкое сопротивление Синода, вступившего в пререкания с Конференцией при высочайшем дворе и Сенатом. Последний в течение трех лет провел с духовным ведомством ряд совещаний, окончившихся безрезультатно. Седьмого января 1762 года Сенат вновь постановил «иметь с Синодом общую конференцию» и настоять на том, чтобы половина денежного оброка монастырских крестьян шла в казну. Семнадцатого января Петр III одобрил идею Сената, но затем дело приняло другой оборот. Шестнадцатого февраля император подписал составленный Волковым указ о немедленном исполнении постановления Елизаветы Петровны от 30 сентября 1757 года. Инициатива тайного секретаря в данном случае не вызывает сомнений, поскольку именно он в свое время разработал текст этого решения для императрицы, оформленного в виде протокола Конференции при высочайшем дворе. Сам Волков писал по поводу указа от 16 февраля: «Дело казалось мне справедливое, и я рад был случаю воздать должную хвалу памяти покойной государыни императрицы». Утвержденный Петром III указ Сенату действительно начинался с восхваления Елизаветы Петровны, которая, «соединяя благочестие с пользою отечества и премудро различая вкравшиеся злоупотребления и предубеждения от прямых догматов веры и истинных оснований... Церкви», сочла необходимым «монашествующих... освободить от житейских и мирских попечений». Далее Сенату и Синоду объявлялся выговор за напрасную трату времени в совещаниях по уже решенному делу. Сенату повелевалось осуществить «вышеписанное узаконение» Елизаветы Петровны немедленно и «непрерывно навсегда». Указом от 16 февраля подтверждался также законодательный акт Петра I «О непострижении в монастыри без особых именных указов». Возможно, это положение было внесено в подготовленный Волковым текст документа по личной инициативе Петра III.

Через три дня новый указ был обсужден на заседании Сената, который принял решение о восстановлении ликвидированной в 1744 году Коллегии экономии и передаче в ее ведение церковных и монастырских имений. Сенатский закон о секуляризации готовился Глебовым при личном участии Петра III. Штелин вспоминал: «Трудится над проектом Петра Великого об отобрании монастырских поместий и о назначении особенной Экономической коллегии для управления ими... Он берет этот манифест к себе в кабинет, чтобы еще рассмотреть его и дополнить замечаниями». 21 марта 1762 года этот акт, оформленный в виде доклада Сената, был утвержден подписью императора. Духовенство пыталось напоследок получить оброк со своих крепостных, поэтому Петр III 4 апреля передал Сенату повеление о запрещении архиерейским домам и монастырям собирать деньги с принадлежавших им ранее крестьян. Основной целью секуляризационной реформы являлась передача государству доходов духовных феодалов, но ее значение этим не исчерпывалось. Тысячи монастырских крестьян были переведены на положение государственных, то есть неподвластных конкретным собственникам и лично свободных.

При рассмотрении законодательства Петра III бросается в глаза, что вышеназванные указы при всем их обилии и многообразии были приняты в течение первых трех месяцев его полугодового царствования. Оно четко делится пополам с рубежом в начале апреля 1762 года. С этого времени и до середины мая Петр III принимал лишь акты частного характера, в

большинстве малозначительные. Это можно объяснить тем, что император переключился на внешнеполитические дела, но допустима иная интерпретация. Вероятно, к середине своего правления внук Петра Великого несколько растратил реформаторский пыл и ощутил тяжесть самодержавной власти. Доказательством может служить создание особого государственного органа наподобие Конференции при высочайшем дворе, которая в свое время являлась верной опорой Елизавете Петровне. Восемнадцатого мая Петр III подписал указ о создании Совета при дворе, призванного заменить императора на время его поездки в Пруссию, а затем на войну с Данией. Но он еще никуда не успел уехать, как новое учреждение начало прибирать власть в свои руки.

В состав Совета вошли генерал-фельдмаршалы Г.Л. Голштейн-Готторпский и П.А.Ф. Голштейн-Бек, канцлер М.И. Воронцов, президент Военной коллегии Н.Ю. Трубецкой, возвращенный из ссылки генерал-фельдмаршал Б.Х. Миних, генерал-фельдцейхмейстер А.Н. Вильбуа, генерал-поручики А.П. Мельгунов и М.Н. Волконский, а также Д.В. Волков, который, оставаясь в должности тайного секретаря, был 9 марта произведен в действительные статские советники и назначен членом Коллегии иностранных дел. Первоприсутствующими членами Совета считались голштейнские принцы, но его фактическим руководителем стал Волков.

Немецкий ученый А.Ф. Бюшинг, живший тогда в Петербурге, отмечал, что в Совете этот деятель «управлял умами всех членов и делал, что хотел». Миних, знавший учреждение изнутри, также утверждал, что тайный секретарь «стоял выше всех членов Комиссии (Совета. – В.Н.), так что решения Волкова составляли правительство при императоре Петре III». Практически все протоколы, указы и другие документы Совета написаны или отредактированы Волковым.

Новое учреждение получило чрезвычайно высокие полномочия. Петр III установил: «Исходящие из сего места указы будем Мы подписывать Нашею рукою, но о делах меньшей важности будут и они (члены Совета. – В.Н.) одни подписывать от Нашего имени во все места, по чему исполнять, как по Нашим собственным указам». Но отличить акты «меньшей важности» от более значительных не всегда просто, поэтому данную формулировку можно считать средством обмана (или самообмана) императора, который, по-видимому, был рад переложить на советников часть груза своей власти. В прежние времена правом подписи под указами от имени монархов официально располагали Верховный тайный совет и Кабинет министров, действовавшие при таких правителях, которые не слишком переоценивали свои способности и значение. Елизавета Петровна, чрезвычайно щепетильная в вопросах власти, официально разрешила членам Конференции подписывать только императорские акты распорядительного характера – рескрипты. В отличие от своей тетушки, Петр III фактически отказался от претензий на величие самодержца. Объективно это решение было правильным, поскольку в сложившейся к тому времени крайне неблагоприятной для режима Петра III обстановке коллегиальный орган власти мог попытаться скорректировать государственную политику и предотвратить переворот. В то же

время нельзя говорить о полной самоустраненности императора от дел, поскольку его участие в работе Совета прослеживается документально.

В протоколе первого заседания нового органа отмечено: «Слушана кроткая идея его императорского величества о ближайшем способе [получения] потребных на войну денег». Речь шла о первом в истории России выпуске бумажных ассигнаций. Это решение с такой легкостью могло быть принято только Петром III, который редко задумывался о последствиях предпринимаемых им шагов. Несколькими годами ранее инициатор создания первых российских банков П.И. Шувалов отвергал возможность введения «банковых билетов» из опасений, что «бумажки вместо денег народу не только дики покажутся, но и совсем кредит повредится».

Совет постановил учредить новый Государственный банк с капиталом пять миллионов рублей бумажными деньгами, отпечатав «банковые билеты» достоинством от десяти до тысячи рублей, которые бы «в самом деле за наличную монету ходили». Выпуск медных денег решено было прекратить. Указ о создании банка был подписан Петром III 24 мая 1762 года.

В протоколе Совета от 1 июня 1762 года зафиксировано распоряжение присутствующего на заседании Петра III о том, чтобы Сенат не публиковал указы без предварительного утверждения их Советом. Волков составил следующий акт: «Всевысочайше повелеваем, чтоб отныне Сенат отнюдь не издавал в публику таких указов, кои в некоторой закон или хотя в подтверждение прежних служат, не представля наперед Нам и не получа на то апробации». В черновике этого документа он сначала написал: «не представля наперед собранию», как и было приказано императором, но потом, видимо, решил смягчить наносимый амбициям сенаторов удар. Этот указ, лишаящий Сенат законодательных полномочий, никак нельзя отнести к разряду актов «меньшей важности», однако он был оформлен за подписями членов Совета. А 15 июня они от имени монарха подписали манифест, в котором объявлялось о незыблемости крепостного права и наказании тех, кто распространяет слухи о намерении императора освободить крестьян. Нет подписи Петра III и на распоряжении Совета от 6 июня о командировании кирасирского полка с артиллерией «для усмирения возмущившихся помещичьих крестьян». Непонятно, почему эти документы оформлены таким образом. Вряд ли они противоречили взглядам Петра III, который, по данным В.И. Буганова, «успел за шесть месяцев царствования раздать в крепостные более 13 тысяч человек».

Часть своих указов и распоряжений Петр III проводил помимо Совета, и тогда их опять же составлял Волков. Так был оформлен ряд важных назначений 9 июня, когда А.М. Голицын стал вице-канцлером, А.Б. Бутурлин – московским генерал-губернатором, Н.Ю. Трубецкой, А.И. Шувалов и К.Г. Разумовский – полковниками гвардейских полков (соответственно Преображенского, Семеновского и Измайловского). Еще одно принятое в этот день кадровое решение имело необычный характер. Б.Х. Миних захотел, оставаясь членом

Совета и живя в Петербурге, получить еще два назначения: главного директора Ладожского канала и сибирского губернатора. Свою просьбу он аргументировал тем, что сам строил канал и знает его лучше других, а за время двадцатилетней ссылки в Сибири успел ее основательно изучить и составить план улучшения дорог, развития земледелия и ремесел и т. д. Петр III не только удовлетворил оба эти желания, но вдобавок поручил ему заведование Кронштадтским каналом. При этом император распорядился директора Ладожского и Кронштадтского каналов А.П. Ганнибала «для его старости от службы уволить». Решение имело поистине уникальный характер: шестидесятипятилетний Ганнибал «по старости» был заменен семидесятидевятилетиим Минихом. Двадцать шестого июня в Ораниенбауме Петр III подписал тринадцать своих последних указов – гораздо больше, чем в любой другой день с конца марта. Он спешил покончить с вопросами внутреннего управления, предполагая заняться другими делами.